

Черты жанра духовной автобиографии в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»

Н. В. Односум

*аспирант кафедры мировой литературы и теории литературы,
Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова;
e-mail: natalyaodnosum@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5165-0404>*

В статье рассматривается роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с точки зрения реализации в нем жанра духовной автобиографии, классический канон которого воплощен впервые в «Исповеди» Августина Блаженного. Выделяются следующие жанровые признаки духовной автобиографии: выбор из событийного ряда только тех моментов, которые способствовали духовному росту героя; сосредоточение не на внешнем течении событий, а на внутренних душевно-духовных процессах; момент озарения, духовного пробуждения как сюжетно-композиционный пуант, кульминация повествования и, соответственно, поворотная точка жизни героя. В связи с установлением жертвенным подвигом Христа истории, ведущей начало в духе человеческого, в новом евангельском свете освещается тема пути в духовной автобиографии – как восхождение человека от плотского к духовному уровню сознания и достижения «жизни вечной». В романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», кроме перечисленных, основным жанрообразующим принципом является момент озарения, духовного пробуждения как сюжетно-композиционный пуант произведения, который получает многоуровневую реализацию: на индивидуально-биографическом, историко-событийном и сакральном. Такая многоуровневая реализация момента озарения в романе обуславливает полифоническую и ярусно-иерархическую организацию субъектной составляющей повествования, архитектурным центром выстраивания которой выступают парадигмы «герой-автор», «герой-поколение» и «герой-Христос», в результате чего духовные поиски, озарения, внутренние потрясения частных лиц-героев в многоголосии сливаются в общие культурно-исторические пути России рубежа веков. Соотношение данных субъектных составляющих строится по модели символически-иконического обобщения бытия. Художественная отстраненность от конкретных прототипов делает Юрия Живаго и его современников символическими фигурами, связующими микрокосмами, которые на таком уровне обобщения взаимодействуют и становятся частью и символами друг друга и всего мира. Сложная организация субъектной составляющей способствовала трансформации и модернизации канона духовной автобиографии в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Ключевые слова: духовная автобиография, «Исповедь» Августина Блаженного, полифоническая и ярусно-иерархическая структура, парадигма «герой-автор», парадигма «герой-поколение», парадигма «герой-Христос», духовное озарение

Односум Н. В. Риси жанру духовної автобіографії в романі Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»

У статті розглядається роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» з точки зору реалізації в ньому жанру духовної автобіографії, класичний канон якого втілений вперше у «Сповіді» Августина Блаженного. Виділяються жанрові ознаки духовної автобіографії: вибір з подієвого ряду тільки тих моментів, які сприяли духовному зростанню героя; зосередження не на зовнішньому перебігу подій, а на внутрішніх душевно-духовних процесах; момент осяяння, духовного пробудження як сюжетно-композиційний пуант, кульмінація оповідання і, відповідно, поворотна точка життя героя. У зв'язку із заснуванням жертвним подвигом Христа історії, яка веде початок в душі людському, в новому евангельському світлі висвітлюється тема шляху в духовній автобіографії – як сходження людини від плотського до духовного рівня свідомості і досягнення «життя вічного». У романі Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», крім перерахованих, основним жанрообразующим принципом є момент осяяння, духовного пробудження як сюжетно-композиційний пуант твору, який має багаторівневу реалізацію: на індивідуально-біографічному, історико-подієвому і сакральному. Така багаторівнева реалізація моменту осяяння в романі обумовлює поліфонічну і ярусно-ієрархічну організацію суб'єктної складової оповідання, архітектонічним центром вибудовування якої виступають парадигми «герой-автор», «герой-покоління» і «герой-Христос», в результаті чого духовні пошуки, осяяння, внутрішні потрясіння героїв в багатоголосі зливаються в загальні культурно-історичні шляхи Росії на зламі століть. Співвідношення даних суб'єктних складових будується за моделлю символічно-іконічного узагальнення буття. Художнє відчуження від конкретних прототипів робить Юрія Живаго і його сучасників символічними фігурами, сполучними мікркосмами, які на такому рівні узагальнення взаємодіють і стають частинами і символами один одного і всього світу. Складна організація суб'єктної складової твору сприяла трансформації та модернізації канону духовної автобіографії в романі Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» сприяла трансформації та модернізації канону духовної автобіографії в романі Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Ключові слова: духовна автобіографія, «Сповідь» Августина Блаженного, поліфонічна і ярусно-ієрархічна структура, парадигма «герой-автор», парадигма «герой-покоління», парадигма «герой-Христос», духовне осяяння

Odnosum Nataliia. The genre of spiritual autobiography features in the novel by B. L. Pasternak "Doctor Zhivago"

The article deals with realization of the canonical spiritual autobiography genre in the novel by B. L. Pasternak Doctor Zhivago. For the first time the classical canon of spiritual autobiography is embodied in the Confession by St. Augustine. The following genre signs of spiritual autobiography are distinguished: the choice from the series of events only those moments that contributed to the spiritual growth of the hero; focusing not on the external course of events, but on the internal spiritual processes; the moment of insight, spiritual awakening as a plot-compositional point, the culmination of the narrative and, accordingly, the turning point of the hero's life. According to the establishment of eternal history that leads to the beginning in the human spirit with Christ's sacrifice, the theme of the path is revealed in the new Gospel light in spiritual autobiography - as a person's ascension from the carnal to the spiritual level of consciousness and achievement of "eternal life". The main genre-forming principle, besides the listed ones, is the moment of insight, spiritual awakening as a plot-compositional point of a work that gets multi-level realization in the novel by B. L. Pasternak Doctor Zhivago: on an individual and biographical, historical, eternal, sacral levels. Such a multi-level realization of the moment of spiritual awakening determines the polyphonic and tiered hierarchical organization of the subject component of the story. The architectonic

center of the subject component includes hero-author, hero-generation and hero-Christ paradigms. The interrelation of the subject components is based on the model of the symbolic-iconic generalization of being. The artistic detachment from specific prototypes makes Yuri Zhivago and his contemporaries symbolic figures, connecting microcosms. They interact and become parts and symbols of each other and the whole world at this level of generalization.

Such complex subject organization contributed to the transformation and modernization of the canon of spiritual autobiography in the novel by B. L. Pasternak "Doctor Zhivago".

Keywords: spiritual autobiography, Confession by St. Augustine, polyphonic and tiered hierarchical structure, hero-author paradigm, hero-generation paradigm, hero-Christ paradigm, spiritual awakening

Автобиографическая природа романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» на сегодняшний день является очевидной для исследователей творчества писателя. Жанровую форму романа изучали Ю. К. Щеглов [20], Н. Д. Тамарченко [18], О. А. Гримова [7], Б. М. Гаспаров [5], И. П. Смирнов [17], Е. М. Бондарчук [4], Д. С. Лихачев [10] и др. Однако на сегодняшний день фактически нет ни одного цельного и развернутого исследования, посвященного воплощению и трансформации в романе черт средневекового жанра духовной автобиографии, который, составляя род автобиографических памятников, часто пересекаясь с ними по общей генетической основе, имеет свои отличительные особенности. Вероятно, недостаток такого рода работ вызван также тем, что границы между различными формами автобиографических произведений остаются и в современном литературоведении достаточно размытыми. Духовную автобиографию отождествляют часто с собственно автобиографией, порой с исповедью, а между тем на сегодняшний день данные жанры состоялись как самостоятельные, с выработанными и теоретически обоснованными признаками.

Изучение романа как художественного воплощения духовной автобиографии позволяет не только объединить различные точки зрения пастернаковедов на жанровое определение романа, но и увидеть все мотивы, времена, переплетения судеб, событий сквозь призму рефлексии «Я», творческого духа, с ракурса «вечности», ответственности поступка, с которого все раскрывается в своей единой смысловой цельности, содержательности, что и обусловило актуальность данного исследования.

В связи с этим, цель работы – изучение специфики воплощения жанра духовной автобиографии в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Христианское мировоззрение становится ключом к обнаружению внутреннего мира человека, духовного начала, утверждению человеческой ответственной личности, стремящейся осмыслить свой собственный путь, раскрывающийся в новом евангельском свете – путь восхождения от плотского к духовному началу. Согласно средневековому мировоззрению, жизнь и деятельность человека предопределена Божественным провидением. В 1215 г. Лютеранским собором была предписана ежегодная обязательная исповедь [9]. Исповедь

по своей природе предусматривает анализ качества своей жизни, а значит необходимость познания и переосмысления собственного пути, помыслов, чувств, следствием чего выступают раскаяние и вступление в новый этап жизни, ее перемена и, соответственно, возрастание человека как личности. Средневековая мысль, развивающаяся базируясь на христианских онтологических и гносеологических основах, также обратила пристальное внимание к человеческой личности и ее внутреннему миру как вместилищу творческой божественной «искры», пространству, через которое изъясляет волю человеку и соответственно миру Творец. Мировоззренческие средневековые реалии способствовали возникновению, в особенности в монастырских, церковных кругах, рода автобиографических памятников письменности.

Способ целостного осмысления, познания пути и исполнения своего предназначения в литературе реализуется в жанре духовной автобиографии, первым классическим образцом которого считается «Исповедь» Аврелия Августина. «Исповедь» представляет собой не только исповедание в своих деяниях и грехах Богу, но также попытку пред Его лицом осмыслить путь своего духовного становления.

Более сознательное и целенаправленное использование понятия именно духовной автобиографии, в отличие от автобиографии, отмечается в художественной и религиозно-философской литературе рубежа XIX – XX веков. В данный период автобиографическое направление становится особенно востребованным, в связи с культурно-историческими событиями, духовными потрясениями эпохи Серебряного века. До конца XIX – начала XX века выходят уникальные, оригинальные образцы автобиографий и исповедей, но реалии эпохи Серебряного века требуют обращения именно к той форме автобиографического жанра, которая сформировалась и устоялась в период Средневековья, начиная с Августина Блаженного – к канону духовной автобиографии. Данный канон способен лучше всего ответить на душевно-духовные запросы нового поколения, которое жажда духовного возрождения, религиозная проблематика сближают с периодом Средневековья.

Памятники духовной автобиографии начала XX века стилем, формой, хоть и модернизированными, реконструируют классическую средневековую форму, очерчивая

тем самым характерные признаки жанра. Например, Н. Бердяев в «Самопознании» настаивает на определении собственного произведения как духовной (философской) автобиографии, отграничивая от близкородственных явлений, таких как исповедь, дневники и собственно автобиография. По мнению Н. Бердяева, собственно автобиография рассказывает события жизни внешние и внутренние в хронологическом порядке. «Эти типы книг хотя с большей или меньшей правдивостью и точностью рассказать о том, что было, запечатлеть бывшее» [3, с. 7]. Автобиографию, дневник, исповедь отличает пассивная обращенность к прошлому, в то время как духовная (философская) автобиография становится актом «активной памяти», свершением, поступком творческого человеческого духа. Среди модернизированных памятников жанра духовной автобиографии в эпоху Серебряного века можно также выделить «Свет Невечерний» С. Н. Булгакова, роман «Котик Летаев» и поэму «Первое свидание» Андрея Белого и др.

Особенности и признаки жанра духовной автобиографии определили и исследовали в своих трудах Б. В. Аверин [1], К. Г. Исупов [8], С. В. Ковыршина [9], Д. Е. Максимов [11], Т. А. Пахарева [15] и др. Опираясь на результаты их наблюдений, выделим следующие основные жанровые признаки духовной автобиографии:

1) выбор из событийного ряда только тех моментов, которые способствовали духовному росту героя;

2) сосредоточение не на внешнем течении событий, а на внутренних душевно-духовных процессах;

3) момент озарения, духовного пробуждения как сюжетно-композиционный пуант, кульминация повествования и, соответственно, поворотная точка жизни героя. Следствием момента озарения является обращение (conversion) на новый истинный путь, установленный во внутреннем мире человека, и в духе начинается совершенная вечная история, преображение окружающей действительности. В связи с ним тема пути в евангельском свете реализуется и приобретает новое значение в жанре духовной автобиографии.

Пастернаковеды отмечали, что в романе «Доктор Живаго» прослеживается стремление «выйти из литературы», из условности художественной реальности и детерминированности искусствоведческими, литературными законами, дабы приблизить художественный текст к эмпирической действительности, оживить «букву», чтобы преодоление смерти жизнью и воскресением осуществлялось не только в сугубо сюжетном, проблемной, идейной ткани романа. Необходимо, чтобы сам художественный текст приобрел значение в масштабе человеческой ответственности выбора между жизнью и

смертью, смертью и воскресением. Роман должен стать актом жизни, поступком, сосредотачивающим в себе эмоционально-волевую, пространственно-временную, содержательно-смысловую нагрузку. Осуществление/неосуществление данного акта представляет ценность по отношению к «единому ценностному центру», выстраиваемого вокруг «основных архитектурных точек действительного мира поступка»: «я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого» [2], согласно М. М. Бахтину. Иными словами, роман «Доктор Живаго» становится фактом жизнотворчества, значимым по отношению к ценностному центру – Истине, миру, истории и человеку.

В письмах Ольге Фрейндербер и Н. Я. Мандельштам Б. Пастернак постулирует основную идею написания романа «Доктор Живаго»: *«Я в ней хочу дать исторический образ России за последнее сорокапятилетие, и в то же время всеми сторонами своего сюжета, тяжелого, печального и подробно разработанного, как, в идеале, у Диккенса или Достоевского, – эта вещь будет выражением моих взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое... Атмосфера вещи – мое христианство, в своей широте немного иное, чем квакерское и толстовское, идущее от других сторон Евангелия в придачу к нравственным»* [16, с. 12].

Уже в данных письмах постулируется роман как акт жизнотворчества, преодоления смерти жизнью и воскресением — лейтмотив, развиваемый имманентно в романе, становится актом жизнотворчества писателя, который самым написанием романа осуществляет его. Данный опыт, воплощенный в художественном дискурсе, становится ценным для всякого, кто читает и воспринимает роман, транслируется и интериоризируется посредством художественного произведения читателем. Поскольку акт жизнотворчества предполагает деятельную сознательную активность и сам по себе является осуществлением выбора в сторону жизни и творчества, а значит приобщением к единому ценностному центру, принятием ответственности, сосредоточием пространственно-временной, ценностной, эмоционально-волевой нагрузки, то он, согласно определению М. М. Бахтина, оценивается как **поступок**. Определение романа «Доктор Живаго» как романа-поступка связывает его также и с жанром духовной автобиографии. Жанр духовной автобиографии уже по своей природе определяется как поступок, так как исследование становления личного духа и самосознания с целью возрастания как личности имеет ценностное значение, является сознательным ответственным действием, и результаты и опыт данного самопознания и личностного развития определяют духовный путь всего человечества – истории.

В «Докторе Живаго» представлені все вищеперечисленні ознаки жанру духовної автобіографії разом з автобіографічною основою роману, але основним жанрообразуючим принципом виступає момент озарення, духовного пробудження як сюжетно-композиційний вузол творіння. Причому даний принцип отримує специфічне втілення в романі, завдяки реалізації на **всіх сюжетно-композиційних рівнях творіння**.

1. Індивідуально-біографічний рівень.

На даному рівні реалізація духовного потрясіння, поворотної сюжетно-композиційної точки і в цілому духовного шляху також багатопланова. На першому плані разом з духовними колізіями представлена **духовна біографія Юрія Живаго**. На протязі життєвого шляху Юрія Живаго відбувається декілька озарень як неотъемлемих подій на протязі духовного відростання і перетворення, але два з них виступають кульмінаційними сюжетно-композиційними вузлами творіння, які виводять героя на нову дорогу – духовний шлях, в історію, «основану Христом». **Перше** озарення в дитинстві Юрія Живаго пов'язане з втратою матері, коли через деякий час після поховання дитина намагається подолати скорботу і тугу, пов'язану зі смертю рідного чоловіка, і промовляє дитячу просту молитву за упокій душі. Втрати свідомості в містичному молитвенному стані як порив до Бога і близькому людині на час якби витісняють Юрія Живаго з тимчасового виміру, в результаті чого відбувається зіткнення з вічністю як результат молитви. В даному епізоді відбулося **перше** визначальне основопологаюче встановлення для всієї наступної життя героя подія – його перший повний в дитинстві як початку шляху вибору керівництва Вищих Сил («утверди у мене мій во істинному шляху»), перший крок до шляху подолаття смерті і досягнення бессмертя.

Результати **другого духовного озарення** стають чітко явними в час висловлювання своєї філософської концепції про життя і смерті і чудесного лікування («заговаривання, накладання рук») у лікарні великої Анни Івановни Громеко і після її смерті, коли відбувається поворотна точка по відношенню до Вищим Силам. В час лікувальної практики Юрій Живаго підходить близько до печатки смерті на мертвих трупах в анатомічному театрі як до межі, за якою ховається маняча розгадка тайни життя вічної, бажаної форми бессмертного існування, перетворюючої безформні грудні тіл в потенціал краси воскресіння і слави. Результатом постійної рефлексії над тайною життя-смерті, смерті-воскресіння стає її досягнення,

відкриття про секрет подолаття смерті «жизню в інших», що і є найвищою формою творчості, перемоги над смертю, втілюваною в любові, «той же необмежаною жодякості життя», яка «наповнює всесвіт і щохвилини оновлюється в нескінченних поєднаннях і перетвореннях» [9: 249]. Досягнення тайни життя-смерті стає етапом духовного оновлення, повороту і углублення свідомості, розуміння нового характеру відносин людини і Бога, людини і Всесвіту, відчуття божественної преемственности, можливої в Божолюдському явленні в Христі, перевищою особисту свободу в Дусі. Таким чином, між **першим і другим духовним** озаренням відбувається важливий шлях духовного відростання головного персонажа, відростання самосвідомості, в час якого старі «півзвериная віра» перетворюється в вільну віру особистості, виконуючої відповідальний вибір творчої преемственности позиції по відношенню до сил неба і землі. В долі Юрія Живаго найбільш виразливо розпізнається лінія долі Б. Пастернака, тому, з іншої сторони, доля Юрія Живаго є репрезентацією духовного автопортрета автора.

Крім духовного шляху Юрія Живаго, в романі представлені духовні автобіографії пов'язаних і не пов'язаних з головним персонажем інших героїв – передусім, Лари, також частково Миши Гордона, Ніколая Ніколаєвича Веденяпіна, Сими Тунцевої, Антипова-Стрельникова. Але якщо духовна автобіографія Юрія Живаго розкривається в цілому і повному варіанті – з усіма тимчасовими етапами становлення, від початку життя до смерті, з наявністю основних жанрових ознак духовної автобіографії, то духовні автобіографії інших персонажів розкриваються або на визначених життєвих, історичних і просторово-тимчасових етапах, або в моменти духовно-душевних озарень, або герої вистраивають результати даних озарень в умозирних висновках, філософствованиях. Роздуми Ніколая Ніколаєвича Веденяпіна, Миши Гордона, Сими Тунцевої свідчать про наявність в романі і їх духовних автобіографій, імпліцитно представлених в сюжетній лінії кожного, оскільки дані висновки повинні бути результатами особистого становлення, внутрішніх пошуків. На імпліцитність духовних автобіографій второстепенних персонажів також вказує той факт, що деякі персонажі разом з своїми діалогами виникають раптово, експромтом розкриваючи філософські висновки, концепції як результати своїх душевно-духовних пошуків, озарень, при цьому в романі відсутня будь-яка підготовка до зустрічі читача з персонажем, його представлення, інформація про них як особистостях, про їх життя

(как, к примеру, с Симой Тунцевой). Зримою картину их жизни и духовного становления увидеть в романе мы не можем, но можем реконструировать, гипотетически исходя из результатов «озарений», являющихся концентрированными точками жизненного, духовного пути. Функционирование их духовных биографий обеспечивает следующий уровень – **историко-событийный**.

2. Историко-событийный уровень.

С одной стороны, персонажи романа, как центральные, так и второстепенные, имеют собственный духовный путь и переживают личные внутренние потрясения и обращения, но, с другой стороны, их духовные пути не могут существовать порознь. Имплицитность развертывания духовных автобиографий второстепенных персонажей компенсируется за счет ведущей идеи связанности человеческого существования, людей между собой в единой судьбе, истории (книге судеб): «Человек в других людях и есть душа человека» [12, с. 250] – духовная автобиография каждого героя романа прочитывается в судьбах других героев. С одной стороны, можно говорить об отдельных духовных автобиографиях персонажей, имплицитно представленных в разной мере и в разных композициях, но, с другой стороны, подлинно они могут существовать только разворачиваясь в друг друга – порознь проявляются лишь фрагменты, отдельные черты, которые в отрыве от целого теряют значение и смысл. И даже духовная автобиография Юрия Живаго, получившая наиболее цельное и полное воплощение в романе, тоже не функционирует отдельно, так как включает судьбоносные встречи, связи с людьми, являвшимися одновременно причинами духовных озарений, способствовавшими духовному возрастанию героя, постановке и разгадке вопросов жизни и смерти. Разворачиваясь друг в друге, индивидуальные духовные пути формируют духовный (авто)портрет поколения автора, включенного в историю. В связи с этим, духовные потрясения, озарения параллельно происходят как на индивидуальном, так и на обобщенно-историческом уровне, приняв форму революции. Духовные коллизии на частном и историческом уровнях тесно связаны и обуславливают друг друга, в результате чего революция становится событием духовно-апокалипсического значения: «Каждый ожил, переродился, у всех превращения, перевороты <...> ...с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая» [12, с. 323].

3. Сакральный уровень.

Роман «Доктор Живаго» в аспекте охвата духовно-исторических путей личностей отдельных героев и поколения строится по модели Откровения Иоанна Богослова. По отношению к **Откровению Иоанна Богослова как духовной биографии всего человечества**, роман «Доктор Живаго» как духовная

(авто)биография поколения эпохи Серебряного века создается по иконографическому принципу. Символично-иконографический принцип становится средством диалога с библейским эсхатологическим пророчеством. Специфика Апокалипсиса заключается в том, что события, зашифрованные в нем, относятся как ко всему историческому процессу в целом, так и могут угадываться в определенную кризисную эпоху, в чем проявляется универсальный характер Откровения. В свете Откровения одна кризисная эпоха и, если идти дальше, одна жизнь человека демонстрирует модель «малого Апокалипсиса», поэтому Б. Л. Пастернак усматривал символичность и каждой единичной личности, становящейся «Божьей повестью», и своего исторического периода. В то же время единичная эпоха как модель Апокалипсиса включается в общий Апокалипсис всей истории, состоящей из всех эпох и поколений. Поэтому роман «Доктор Живаго» как духовная автобиография поколения, благодаря символичности каждой личности всего поколения, как в иконе, демонстрируют Апокалипсис человечества. В духовной автобиографии эпохи прослеживаются и выделяются и процессы духовного развития, и моменты пробуждения, и переосмысление результатов пути перед лицом Бога, Который обзирает и направляет вектор развёртывания истории – духовной автобиографии поколения — в Вечность через преодоление смерти актом человеческого житнетворчества, искусства, которое «дописывает Откровение Иоанна Богослова».

Рассмотрение романа «Доктор Живаго» как духовной автобиографии автора дает тот «вечный» ракурс обозрения судеб, с которого открывается апокалипсический масштаб их охвата и изображения. Поскольку Христом основанная вечная история начинается в человеческом духе, на личностном уровне, то исторические пути поколения Серебряного века, символически обобщенного в художественном тексте в образах персонажей, сквозь призму личностного авторского рефлексированного «Я», на духовном уровне приобретают вечное сакральное значение, включаются в книгу жизни, в Откровение Иоанна Богослова. Частные духовные биографии в отдельности и в единстве поколения в контексте авторского сознания становятся духовной автобиографией Б. Л. Пастернака: «...эта вещь будет выражением **моих** взглядов на искусство, на Евангелие, на жизнь человека в истории и на многое другое... Атмосфера вещи – **мое христианство**».

Духовная автобиография поколения роман «Доктор Живаго» в качестве творческого акта, с одной стороны, осуществляет «дописывание Откровения Иоанна Богослова», с другой стороны, включается в единую апокалипсическую книгу

судеб всего человечества, согласно написанному в которой, на Суд «столетья поплывут из темноты».

Обобщая результаты данного исследования, следует отметить, что модернизации и трансформации канона духовной автобиографии в романе «Доктор Живаго» служит **полифоническая и ярусно-иерархическая структура**. С одной стороны, в центральный фокус повествования помещается духовная автобиография **Юрия Живаго**. С другой стороны, роман включает частные духовные автобиографии связанных и не связанных с Юрием Живаго второстепенных персонажей и предполагает имплицитно представленные духовные автобиографии персонажей, выпадающих из художественного романного дискурса. Эти **частные духовные автобиографии**, развертываясь друг в друге, конструируют **духовную автобиографию поколения**. В свою очередь, в духовной автобиографии центрального персонажа Юрия Живаго и многоголосии персонажей прочитывается художественно завуалированная духовная автобиография автора как фигуры-интериоризатора ценностей поколения. И идейно-философскую функцию, функцию «двигателя», механизма корреляции и скрепления общих и частных судеб – духовных автобиографий в истории как духовной автобиографии всего мира выполняет **жизненный путь Христа**, который накладывается прозрачным слоем на романную ткань «Доктора Живаго» и историю. Христос в акте жизни-жертвы, жизни-любви связывает человеческие судьбы – частные духовные автобиографии в книгу жизни, благодаря которой творится духовная автобиография Юрия Живаго. Благодаря многочисленным переплетениям и связанности судеб во Христе – в единой книге жизни, устанавливается коррелирующая сквозная связь между уровнями парадигмами **«героя-автора», «героя-поколения» и «героя-Христа»**, в результате чего духовные поиски, озарения, внутренние потрясения частных лиц-героев в многоголосии сливаются в общие культурно-исторические пути России рубежа веков.

Сложность и полифоничность структуры воплощения духовной автобиографии в романе обуславливается сложностью субъектной структуры повествования, в которой главный

герой выступает концентрированной точкой, архитектурным центром выстраивания остальных субъектных составляющих, таких как **автор, поколение и Христос**. Соотношение данных субъектных составляющих строится по модели символически-иконического обобщения бытия, благодаря которому образ Юрия Живаго соотносится в реальности не только в основном с Б. Пастернаком, но и, по свидетельству самого Пастернака, с Блоком, Маяковским, Есениным, Веленяпин – с Андреем Белым, Н. Бердяевым, С. Булгаковым и т.д. Принцип символически-иконической связанности субъектной структуры романа объясняет и стилистическое однообразие языка персонажей, принадлежащих к разным слоям общества, и то, что разные герои проповедуют идеи одной и той же, причем логично и последовательно разворачиваемой, философии, и тесноту пространства, в которых упрекали Б. Пастернака Ариадна Эфрон [13], В. Шаламов [19] и А. Гладков [6]. С помощью данного принципа символического обобщения формируется единая духовная автобиография поколения.

Подобный принцип иконического художественного творчества выводит на высокий уровень обобщения, благодаря которому философские и художественные идеи «нового религиозного сознания» и поэтов-художников эпохи Серебряного века органично вливаются в единую духовную автобиографию поколения – «всех этих мальчиков и девочек», которые «нахватались Достоевского, Соловьева, социализма, толстовства, ницшеанства и новейшей поэзии. Все это приблизительно одно и то же и составляет нашу современность, главная особенность которой та, что она является новой необычайно свежей фазой христианства» [14, с. 587–588], как писал Б. Пастернак, характеризуя в «Докторе Живаго» поколение, к которому принадлежал и он сам, и герои его романа. Это поколение, которое «заново поняло ту сторону Евангелия, которую издавна лучше всего почувствовали и выразили художники <...> Это мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна» [14, с. 587–588].

Литература

1. Аверин Б. В. Акт воспоминания и язык воспоминания. «Котик Летаев» Андрея Белого. От Толстого до Набокова: Из истории русской литературы. СПб: Издательство имени Н. И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипит». 2014. 392 с
2. Бахтин М. М. К философии поступка. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. Москва. 1986. С. 80–160.
3. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2015. 416 с

4. Бондарчук Е. М. Автор и герой в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»: своеобразие субъектных и внесубъектных форм выражения авторского сознания. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 «Русская литература». Самарский государственный университет. Самара. 1999. 285 с. <http://www.dissercat.com/content/avtor-i-geroi-v-romane-borisa-pasternaka-doktor-zhivago-svoeobrazie-subektnykh-i-vnesubektny>.
5. Гаспаров Б. М. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго». Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. Москва. 1993. С. 267.
6. Гладков А. Встречи с Пастернаком. Москва. 2002.
7. Гримова О. А. Жанровое своеобразие романа. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении. Коллективная монография. Под редакцией В. И. Тюпы. М.: Intrada. 2014. 512 с.
8. Исупов К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия. 2010. 592 с.
9. Ковыршина С. В. Философская автобиография как форма духовного творчества, жанр дискурса и нарратив эпохи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания». Уральский государственный университет. Екатеринбург. 2004.
10. Лихачев Д. С. Размышляя над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Новый мир. 1988. №1. С. 5–22.
11. Максимов Д. Е. Поэзия и проза А. Блока. Л.: Советский писатель. 1981. 552 с.
12. Пастернак Б. Л. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2016. 720 с.
13. Пастернак Б. Л. Новооткрытые письма к Ариадне Эфрон. Знамя. № 11. 2003.
14. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель. 1989. 688 с.
15. Пахарева Т. А. Русская литература Серебряного века в диалоге с культурой европейского Средневековья. Материалы к спецкурсу. (В рукописи).
16. Переписка Бориса Пастернака. Вступление, статья Л. Гинзбург; Составление, подготовка текстов и комментариев Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернаком. М.: Художественная литература. 1990. 575 с.
17. Смирнов. И. П. Антиутопия и теодицея в «Докторе Живаго». В: Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 34. 1994.
18. Тамарченко Н. Д. Сюжет испытания: опыт типологии (на материале русской повести Серебряного века). Филологический журнал. Новый филологический вестник. 2006. № 2 (3). С. 234.
19. Шаламов В. Собрание сочинений. Т. 4. Москва. 2005.
20. Щеглов Ю. К. О некоторых спорных чертах поэтики позднего Живаго (Авантюрно-мелодраматическая техника в «Докторе Живаго». Пастернаковские чтения. Вып. 2. Москва. 1998. С. 172.

References

1. Averin B. V. (2014). *Akt vospominaniya i yazyk vospominaniya. «Kotik Letaev» Andrey Belogo*. Ot Tolstogo do Nabokova: Iz istorii russkoy literatury. SPb: Izdatel'tvo imeni N. I. Novikova; Izdatel'skiy dom «Galina skripsit» [in Russian].
2. Bakhtin M. M. (1986). *K filosofii postupka*. Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985 (pp. 80–160). Moskva. [in Russian].
3. Berdyaev N. A. (2015). *Samopoznanie: Opyt filosofskoy avtobiografii*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus [in Russian].
4. Bondarchuk E. M. (1999.) *Avtor i geroy v romane Borisa Pasternaka «Doktor Zhivago»: svoeobrazie subjektnykh i vnesujektnykh form vyrazheniya avtorskogo soznaniya*. Extended abstract of candidate's thesis. Samara. Retrieved from <http://www.dissercat.com/content/avtor-i-geroi-v-romane-borisa-pasternaka-doktor-zhivago-svoeobrazie-subektnykh-i-vnesubektny> [in Russian].
5. Gasparov B. M. (1993). *Vremennoy kontrapunkt kak formoobrazuyushchiy printsip romana Pasternaka «Doktor Zhivago»*. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature KhKh veka*. Moskva. [in Russian].
6. Gladkov A. (2002). *Vstrechi s Pasternakom*. Moskva. [in Russian].
7. Grimova O. A. (2014). *Zhanrovoe svoeobrazie romana. Poetika «Doktora Zhivago» v narratologicheskom prochtenii*. Kollektivnaya monografiya. Pod redaktsiyey V. I. Tyupy. Moskow: Intrada. [in Russian].
8. Isupov K. G. (2010). *Sud'by klassicheskogo naslediya i filosofsko-esteticheskaya kul'tura Serebryanogo veka*. SPb.: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya. [in Russian].
9. Kovyreshina S. V. (2004). *Filosofskaya avtobiografiya kak forma dukhovnogo tvorchestva, zhanr diskursa i narrativ epokhi*. Extended abstract of candidate's thesis. Ural Federal University. Yekaterinburg. [in Russian].
10. Likhachev D. S. (1988). *Razmyshlyaya nad romanom B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago»*. *Novyy mir*, 1, 5–22. [in Russian].
11. Maksimov D. E. (1981). *Poeziya i proza A. Bloka*. L: Sovetskiy pisatel'. [in Russian].
12. Pasternak B. L. (2016). *Maloe sobranie sochineniy*. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus. [in Russian].
13. Pasternak B. L. (2003). *Novootkrytye pis'ma k Ariadne Efron*. *Znamya*. № 11. [in Russian].
14. Pasternak E. B. (1989). *Boris Pasternak: Materialy dlya biografii*. M.: Sovetskiy pisatel'. [in Russian].
15. Pakhareva T. A. *Russkaya literatura Serebryanogo veka v dialoge s kul'turoy evropeyskogo Srednevekov'ya*. Materialy k spetskursu (v rukopisi).
16. Pereписка Бориса Пастернака. (1990). Вступление, статья Л. Гинзбург; Составление, подготовка текстов и комментариев Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернаком. Moskow: Khudozhestvennaya literatura. [in Russian].
17. Smirnov. I. P. (1994). *Antiutopiya i teoditseya v «Doktore Zhivago»*. V: Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 34[in Russian].

18. Tamarchenko N. D. (2006). Syuzhet ispytaniya: opyt tipologii (na materiale russkoy povesti Serebryanogo veka). *Filologicheskiy zhurnal. Novyy filologicheskiy vestnik*, 2 (3) [in Russian].

19. Shalamov V. (2005). *Sobranie sochineniy* (Vol. 4). Moscow. [in Russian].

20. Shcheglov Yu. K. (1998). O nekotorykh spornykh chertakh poetiki pozdnego Zhivago (Avantyrno-melodramaticheskaya tekhnika v «Doktore Zhivago»). *Pasternakovskie chteniya*. Vyp. 2. Moskva [in Russian].

Одноsum Наталія Володимирівна, аспірант кафедри світової літератури та теорії літератури, Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова (вул. Тургенєвська, 8/14, Київ, 01054, Україна); e-mail: natalyaodnosum@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5165-0404>

Одноsum Наталия Владимировна, аспирант кафедры мировой литературы и теории литературы, Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова (ул. Тургеневская, 8/14, Киев, 01054, Украина); e-mail: natalyaodnosum@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5165-0404>

Odnosum Natalia Vladimirovna, postgraduate of the Department of World Literature and Theory of Literature, National Pedagogical Dragomanov University (Kiev, 8/14 Turgenevskaya, 01054, Kyiv, Ukraine); e-mail: natalyaodnosum@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5165-0404>